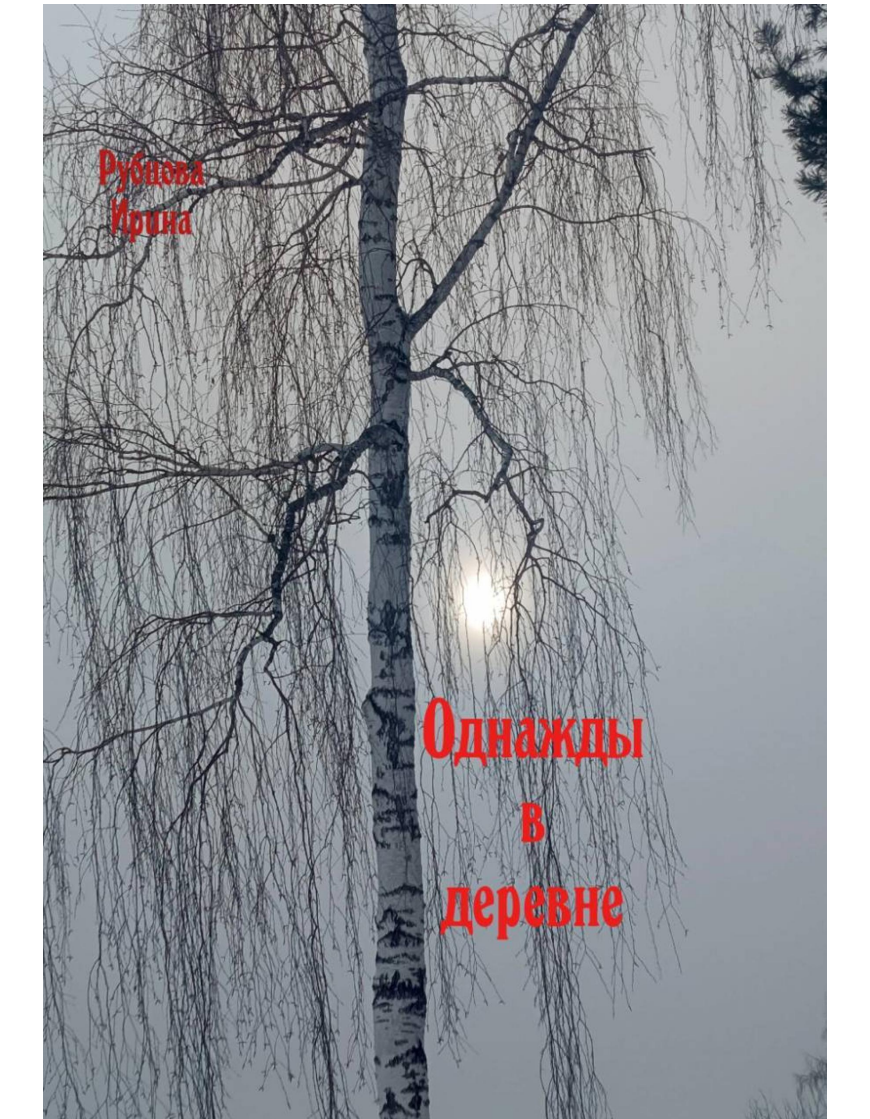

Рубцова
Ирина

Однажды
в
деревне

Ирина Рубцова

Однажды в деревне

<https://litres.ru/74600808>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой врач N уезжает в уездное село Затишьино, чтобы сбежать от системы больших городов.

Ей кажется, что там она сможет найти свое счастье, но даже не подозревает, что события будут развиваться совсем не как у Булгакова, а скорее как в кино Тарантино.

Это не "Записки земского врача". Это Тарантино в декорациях русской глубинки.

Тихая деревня, где убивают также спокойно, как пьют самогон. Она хотела сбежать от системы, но система уже ждала ее здесь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	55
Глава 11	60
Глава 12	63
Глава 13	66
Глава 14	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ирина Рубцова

Однажды в деревне

Глава 1

АМБУЛАТОРИЯ

В посёлок Затишино N приехала не по зову сердца, а по распределению судьбы. Оно пахло пыльной канцелярией, хронической сыростью и болезнями.

Автобус, скрипя железными костями, остановился так резко, будто хотел выплюнуть N из открытых дверей и не задерживаться в этих краях ни на минуту.

Вокруг тянулись серые заборы, крыши домов будто пригнулись к земле, чтобы не привлекать внимания. Затаившись, ждали нового гостя.

Даже воздух здесь был какой-то тяжёлый, будто не дождь его напитал, а сама тоска просочилась сквозь тучи. На въезде стоял покосившийся столб с надписью: «Затишино — 3042 жителя».

Кто-то приписал снизу мелом: «из них 3000 пьют, остальные — спят».

N шла по размытой дороге, чувствуя, как кроссовки тяжелеют с каждым шагом. Она не торопилась: впервые за долгие годы ей не нужно было бежать, чтобы всё успеть. И от этой

непривычной свободы становилось даже немного жутковато — словно она ступила на территорию, где время течёт иначе. Здесь часы, кажется, шли не вперёд, а по кругу.

Её собаки шли рядом, настороженно нюхая воздух, будто чувствовали: здесь не всё так просто, как кажется. Одна из них — рыжая, с одним белым ухом — ткнулась носом в её ладонь и пошла следом. Н легонько провела рукой по ее густой шерсти. Она чувствовала, что в этом мире они будут ее единственными друзьями.

Жизнь в деревне, какая она ? Она представляла себе романтику из классической киноленты и отечественной литературы. Как она будет носить голубой платочек в белый горошек, лечить людей, есть домашний творог и яйца, а по субботам петь в церковном хоре.

Она хотела очиститься. Обрести здесь покой и чувство признания в работе, в жизни..

Н решила , что лучшего места , чем Затишьино не найти. Первым делом она направилась к новому месту работы.

Амбулатория в Затишине стояла на отшибе, будто её специально отодвинули подальше от людей. Здание было старым, с покосившейся вывеской, на которой буквы «А» и «Я» почти отвалились, и оставалось только «...мбулатори...». На двери висел раскрытый замок. Н толкнула дверь — она поддалась с протяжным скрипом, как будто внутри кто-то застоялся.

На крыльце, скрестив руки на груди, уже стояла медсест-

ра. Зинаида Карповна. Ей было под шестьдесят, но выглядела она на все семьдесят — серая кожа, глубокие морщины, глаза, которые уже ничего не ждут. Она посмотрела на Н долгим, оценивающим взглядом, в котором не было ни злости, ни доброты — только усталость человека, который уже всё видел.

— Ну, заходи, — сказала она наконец. — Только не удивляйся ничему. Тут у нас свои порядки. У нас тут не лечат, тут дают возможность выжить - усмехнулась медсестра.

Н хотела спросить, что это значит, но Зинаида Карповна уже развернулась и пошла внутрь, оставляя за собой шлейф йода и табака.

Небольшой, но светлый кабинет, со старой советской мебелью. Потертыми шкафами с аптечкой под ключ - стоял неподвижно, будто был частью стены. Письменный стол, ржавая кушетка, койка - место, раковина и большая хирургическая лампа - тарелкой НЛО висела над рабочим столом.

Н была врачом общей практики, два года назад выпустившимся из академии, она скиталась по частным клиникам, пока судьба не прибила ее к военному госпиталю. В нем она с головой погрузилась во врачебную практику и на собственной шкуре поняла, что такое система.

И что от неё надо бежать.

Единственным способом решить судьбу было податься на распределение врачей по селам из города Многоотрадьего в село Затишьино.

Это решение далось ей нелегко, но она чувствовала его необходимость. Матушка с Отцом были против такого поворота сценария дочери, но ничего не могли поделать с пылким желанием N проверить судьбу на прочность.

Уже на подъезде к селу, она поняла, что придётся непросто.

Глава 2

ПУЗЫРЬ.

Утро.

Это то, ради чего люди остаются жить в деревне. Первые лучи августовского солнца прорезали окна в комнате, и Н жадно втянула воздух — он пах свежескошенной травой и мокрой землёй. На секунду ей показалось, что здесь можно дышать.

Состояние спокойствия, блаженства длилось буквально две минуты. Испарившись вместе с запахом сигаретного дыма, потянувшегося с улицы.

Ей выдали небольшую квартиру близ единственного круглосуточного магазина с говорящим названием «Вина. Воды». Ночью она спала с открытыми окнами, и всё пространство скромного жилья впитало в себя настоящий запах деревни. Не травы. Не сена. А разлитого пива, не затушенных бычков, пьяного голоса под окнами и спущенных шин от велосипеда.

Собаки — два английских сеттера по кличке Гром и Гроза — лежали рядом, охраняя её мирный сон. Гром даже не вздрогнул, когда под окном кто-то громко выругался матом. Гроза лишь приоткрыла один глаз и, сладко причмокивая, вновь погрузилась в сон.

Сегодня был первый рабочий день.

Внутри, словно клубок колючей проволоки, нарастало волнение. Ей предстояло познакомиться со всеми сотрудниками больницы, и особенно близко — с Зинаидой Карповной. Та вчера не сказала ни одного лишнего слова. Только смотрела. И этот взгляд остался с ней до утра.

Н почти не спала. Всю ночь ей снился один и тот же сон: она идёт по коридору, а за ней — Зинаида Карповна. Они заходят в кабинет, плотно затянутый табачным дымом. Зинаида Карповна садится в кресло, берёт в руки длинную трубку, сжимает её жёлтыми зубами и, не поворачивая головы, говорит:

— Тебе здесь не место.

Н несколько раз просыпалась в холодном поту со смутным предчувствием, что надвигается что-то страшное. Дымка затянула ночное небо, а за ней бледно и тревожно мелькнула гроза.

Мятая форма в пакете уже ждала, когда её наденут. Наскоро приведя себя в порядок, Н направилась по прямой тропинке к амбулатории. Дорога вела её мимо церкви, которая по известной только Богу причине работала всего три часа в день — и то только по поводу отпеваний.

Н зашла в раздевалку. Небольшая палата на первом этаже, в углу которой стоял старый неработающий телевизор, а к оконной раме приделано боковое зеркало от «Жигулей» — камера наблюдения за теми, кто заходит в сей храм медицины.

Она уже начала переодеваться, когда дверь приоткрылась и в проёме показалась круглая улыбчивая голова.

— Ой, простите, не знал, что тут кто-то есть! — сказал мужчина густым голосом с мягким южным акцентом.

Он был полным, с румяными щеками и абсолютно добрым взглядом. В руках он держал старый стетоскоп, который болтался на шее, как игрушка.

— Я Петр Замяткин, — представился он, — ваш покорный фельдшер. А вы, видимо, наша новая звезда медицины?

— N, — ответила она, застёгивая халат. — Просто N.

— Очень приятно, — он широко улыбнулся и чуть наклонил голову. — Я здесь уже четырнадцать лет. Всё знаю, всех знаю. Если что — обращайтесь. Только не в выходные, я в это время ложусь на диван и смотрю футбол.

— Вы давно работаете с Зинаидой Карповной? — осторожно спросила N.

Пётр Замяткин на мгновение задумался.

— Давно, — сказал он. — Она женщина строгая, но золотая. Если она вам сказала «нет», значит, так надо. А если сказала «да» — поверьте ей дважды.

— Мне показалось... — начала N.

— Вам показалось, — перебил он с улыбкой, в глазах его мелькнула тень. — У нас тут тихо, спокойно. Иногда даже слишком спокойно. Вы привыкнете.

Он подмигнул и вышел, оставив после себя густой запах мази Вишневского.

Н задумалась. «Слишком спокойно». Она уже слышала эту фразу от кого-то другого. Или ей просто показалось?

Она поднялась на второй этаж к своему кабинету. Дверь была заперта на ключ, и ей пришлось негромко постучаться, чтобы её открыли.

Зинаида Карповна уже ждала её. В кабинете знакомо пахло спиртом, табаком и канцелярией.

— Ваш первый пациент уже полчаса ждёт вас, — как бы невзначай произнесла она.

Как кипятком по лицу ударило.

— На как? Больница же работает с восьми, — начала было N.

— Тяжёлый случай. Острая боль из соседней деревни, — отрезала медсестра.

В кабинет вошёл мужчина средних лет. Тонкий, сухой, с непробиваемым запахом перегара. Там, где должен был располагаться рот, был огромный пузырь размером с теннисный мячик. Едва угадывались очертания носа и губ, правый глаз совсем заплыл и не открывался. Левый, почти белесый, воткнулся в фигуру N.

— Обезболивающее, марлю, скальпель, спирт, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Всё уже было на столе.

Тонкой рукой хирурга, вспоминая анатомию верхней челюсти, N вела надрез вдоль образовавшегося абсцесса. Гной хлынул на неё молочным коктейлем, растекаясь по перчат-

кам, халату и подбородку пациента. Он стонал от боли, несмотря на сильное обезболивающее. Зинаида Карповна стояла рядом, не зная, кого ловить: трясущуюся фигуру N или гной, продолжающий бежать по лицу мужчины и креслу.

— Спасибо, доктор, — сказал он, когда всё было кончено.

— На здоровье, — ответила N. — Я назначу вам антибиотики, нужно пропить пять дней курсом. Потом придёте на осмотр.

— А посильнее обезболивающего у вас нет? — жалостливо кося глазками спросил он.

— Нет. А что вы имеете в виду?

— Кхм... Морфий?

— Так, ну всё, тебе сказано, Василий. Нет у нас ничего. Выметывайся отсюда и попробуй только ещё прийти сюда с таким пузырьём, с тебя благодарность, кстати, ожидается. Проставиться за нового доктора! — встряла Зинаида Карповна.

Пузырь встал и, извиняющейся взглянув на доктора, попятился к двери.

Как только за ним закрылась дверь, N удивлённо спросила:

— Разве у вас дают морфий?

— Нет. Не знаю, откуда он это взял. Наркоман, наверное, нечего с него взять, — отрезала медсестра.

Заполняя медицинские карты, N заметила странные заметки.

«D.S. morphine 0,1 mg...»

Что всё это значит?

Неужели предыдущий врач выписывал морфий? Или это была просто опечатка?

N смотрела на буквы, и внутри росло истерическое, нелепое чувство. Что-то здесь было не так.

— Вы не знаете, кто работал до меня? — спросила она украдкой у Зинаиды Карповной.

Та на мгновение замерла, потом, не оборачиваясь, ответила:

— Да был один, не долго продержался.

И вышла из кабинета, оставив N одну в комнате, заполненной запахом спирта, табака и замятой паузы.

Зинаида Карповна вернулась, но уже не с пустыми руками. Поставила на стол бутылку с мутноватой красноватой жидкостью.

- Выпейте. Это наш местный самогон. Пузырь проставился. Ну-с, за знакомство!

N взяла протянутый стакан, не успев сказать ни слова. Медсестра подняла свой, чокнулась без звука и выпила до дна, даже не поморщившись.

N последовала её примеру.

Тёплая, обжигающая жижа растеклась по горлу, согрела грудь, затуманила глаза. Зинаида Карповна молча смотрела на неё, и в этом взгляде не было усталое любопытство.

— Добро пожаловать в Затишино, — сказала она наконец.

— Тут без этого никак.

Остаток дня прошёл как в тумане. Свет за окнами медленно серел, звуки становились глуше, и даже стены кабинета, казалось, начали дышать вместе с ней.

Всю ночь N ворочалась и просыпалась, самогон не давал ей уснуть. Ей снился тревожный сон , где она не понимала ,как засыпают мозговые клетки.

Глава 3

БОЛЬНОЕ СЕРДЦЕ.

Голова раскалывалась.

Н открыла глаза и сразу пожалела об этом. Свет резал, будто кто-то вкручивал в веки лампочку. В комнате пахло лекарствами — или это был просто запах её собственного похмелья. К чему была вся эта мерзость и слабость ночью. Алкоголь способствует распаду моральной личности - и она прекрасна знала об этом. Но ведь это всё не про неё.

Она лежала в одежде. Так и уснула вчера, не раздевшись. На стуле рядом с кроватью стояла бутылка минеральной воды и она жадными глотками тут же опустошила её.

Телефон показывал 11:42. Проспала.

За окном — ни звука. Даже собаки молчали.

Н медленно села. Голова гудела, Зинаида Карповна вчера дала ей бутылку самогона с собой. Н пила его весь вечер короткими глотками, не закусывая. Гуляла по деревне и смотрела на домики с покосившимися крышами, люди копошились в своих небольших огородах.

С ней здоровались так, как будто весь посёлок уже заранее знал, что к ним приедет молодой доктор. Она улыбалась им в ответ, кивая головой. Подростки собирались около сцены дворца культуры. Попивали пиво, опираясь на дверцы Жигулей, провожали Н долгим любопытным взглядом. В

какой-то момент ей стало весело и она уже было хотела присоединиться к ним. Но что-то ее оттолкнуло. Страх того, что не так ее воспримут, врач всё-таки, в они шпана..

Она увидела густо освещенное солнцем поле и стремглав направилась туда. Собака побежали за ней, опережая хозяйку по гнилым хлюпающим мосткам.

Неожиданно ноги отяжелели и налились холодным свинцом. Н опустила голову вниз и увидела, что оказалась по колени в вязкой зловонной жидкости. Болото.

То, что она изначально приняла за поле , оказалось огромным болотом. Собаки уныло повиляли хвостиком и фыркнули мордой. Гром посмотрел на хозяйку , как бы говоря : "ну, что, допилась? "

Она немедленно повернула назад, мысли помутнели. Как будто болото просочилось в голову. Так с ним и уснула.

Сквозь гул пробивалась одна чёткая мысль: она что-то видела вчера после самогона. Что-то, что не могло ей присниться.

— Карта, — сказала она вслух и услышала хриплый, чужой голос.

Она не помнила, как закончила заполнять карту Василия. Помнила только: строчка «D.S. morphine 0,1 mg...» была небрежно зачёркнута, как будто кто-то в торопях хотел, чтобы она её заметила.

Или кто-то хотел, чтобы она подумала, что ей показалось. Н подошла к столу, где лежала стопка чистой бумаги. Вче-

ра она принесла её из кабинета, чтобы делать конспекты. Воспаленные для чтения тетради по общей хирургии так и остались не открытыми.

Паника нарастала внутри с каждой секундой, она безбожно опаздывала на работу.

В дверь постучали. Громко, требовательно. Собаки сорвались с места и залаяли.

— Открывайте! — донёсся мужской голос. — У нас экстренный вызов! Старому Григорьичу плохо. Срочно вызывают в приемный покой!

N натянула на себя первый попавшийся свитер, схватила аптечку и выбежала на улицу.

На пороге стояла Зинаида Карпова. Она курила трубку, медленно выпуская клубы табачного дыма, и смотрела на N так, будто знала, что вчера с ней произошло.

Они мчались на старом уазике по волнам вмятин дорог и N ощутил как вчерашний самогон всё еще разгоняет кровь по жилам. И внутри вместо страха начинал подниматься гнев и тошнота.

Григорьич жил что называется на самом отшибе. Старый потрескавшийся домик с покосившимися забором еле дышал. и тот кто ждал врача в нём тоже.

N толкнула дверь — она открылась с протяжным стоном, будто сам дом уже умирал. Внутри пахло сыростью, старостью и чем-то сладковатым, что не спутать ни с чем. N знала этот запах. Он всегда приходил перед концом.

Григорьич лежал на кровати, укрытый до подбородка старым ватным одеялом. Лицо — серое, с синевой под глазами, дыхание — редкое, шумное, как будто воздух гулял по старым печным трубам. Он посмотрел на неё мутными, усталыми глазами. В них не было страха за свою судьбу. Только тихая благодарность за то, что хоть кто-то пришёл навестить его перед кончиной.

Зинаида Карповна стояла в углу, скрестив руки. Она подошла к больному, поправила подушку. И вновь вернулась в свой угол - смотреть, как ураган жизни прибивается к полу.

— Сердце, — сказала она коротко. — Старый уже.

N подошла к кровати, опустилась на колени, взяв Григорьича за руку. Холодная кожа зашуршала под ее пальцами, как пергаментная бумага. Она нащупала слабый, прерывающийся пульс.

— Давление? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Сто на шестьдесят, — ответила Зинаида Карповна, — падает.

— Сделаем капельницу — сказала N, быстро открывая аптечку. — Хлорид Натрия с глюкозой. И сердечные капли. Если есть.

— Есть, — медленно ответила медсестра, но не двинулась с места.

— Тогда несите, чего ждете?, — сказала N твёрже, чем чувствовала.

Зинаида Карповна вышла. Григорьич сжал руку N — едва ощутимо, но осознанно. Она посмотрела на него и на секунду показалось, что он хочет что-то сказать, но сил не хватило. Его взгляд был полон благодарности, почти детской — как будто он прощал её за всё, что она ещё не успела понять и совершить.

Она набрала шприц, сделала укол. Григорьич вздохнул, чуть глубже, чем до этого. Дыхание выровнялось.

— Лежите, — сказала она, беря его за руку. — Я приду завтра. Мы вас будем навещать.

Он слабо улыбнулся и кивнул.

Когда Зинаида Карповна вернулась, N уже поднялась с колен.

— Я назначила вам лечение. Если станет хуже — сразу звоните. И вызывайте скорую, даже если они долго едут.

Зинаида Карповна молча кивнула.

Они уехали.

N не оглядывалась.

Через три дня у крыльца амбулатории зацвела сирень, что необычно в предосеннее время года. И еле уловимый сладковатый запах пропитывал всё вокруг.

В конце рабочего дня N разбирала карты, когда Зинаида Карповна негромко сказала:

— Умер старик. Вчера ночью.

N замерла, не поднимая головы.

— Не страдал, — добавила медсестра, — тихо ушёл. Ска-

зал, что доктор хорошая.

Н продолжала писать. Рука не дрогнула.

Внутри, где-то под рёбрами, разлилась мутная жидкость - скорбь с нефтью, которую не смыть ни спиртом, ни водой.

Н продолжила заполнять карты от руки. Сегодня было 20 человек. Все с разными проблемами : от боли в правом под-реберье - подозрение на инфаркт, отправили в областную больницу, ребёнка с температурой под 40 - всего обсыпанного корочками от герпеса до больных зубов, которые пришлось удалять.

Перед ней лежала огромная стопка карт и лишь половина из них ушла на край стола спустя час рукописной работы. Зинаида Карпова ушла мыть амбулаторию, оставив Н возиться с документацией.

Неожиданно, на одной из карт она увидела следы размазанных чернил - прямого текста , назначения лекарства на латинском. Кто-то усердно пытался их смыть. Еле как разобравшись Н увидела очертания тех же букв, что и вчера : "D.S..M....i.." дальше - стерто. Ни фамилии врача, ни того, кому это было назначено - абсолютная пустота. Немой вопрос встал у горла, не отпуская

И тогда она заметила ящик.

Старый, металлический, встроенный в нижнюю часть шкафа. Она видела его раньше, но никогда не обращала внимания — он был всегда закрыт. Сегодня же она заметила, что замок на нём не заперт.

И оглянулась. Зинаида Карповна не возвращалась.

Она присела на корточки, провела пальцами по холодно-му металлу. Ящик поддался с лёгким скрежетом, как будто его не открывали месяцами. Внутри, на самом дне, лежала старая тетрадь, перевязанная медицинским жгутом.

Сердце забилося чаще.

Она аккуратно развязала жгут. На обложке не было ни имени, ни даты. Только выцветшие чернила, почти стёртые временем. Но когда она открыла первую страницу, её взгляд сразу упал на знакомый почерк. Аккуратный, каллиграфический. Записи велись от руки, строка за строкой.

Напротив каждого пациента — диагноз. И пометка.

«Иванов П. — остеосаркома. Морфин 0,1 мг внутримышечно».

«Сидорова М. — рак молочной железы. Морфин 0,05 мг по требованию».

«Григорьев В. — стенокардия. Морфин 0,1 мг при болях».

И перелистывала страницы. Имя Григорьевича она узнала сразу. Тот самый, с кем была три дня назад. Тот самый, кому она назначила капельницы.

Так вот откуда медсестра знала, что у него большое сердце.

Она закрыла тетрадь и почувствовала, как внутри разливается холод. Этот врач — тот, кто был до неё — выписывал морфин всем, кому можно, и даже тем, кому нельзя. Не как лечение, а как товар.

Она быстро сунула тетрадь обратно, задвинула ящик и встала. Руки дрожали. В ушах шумело.

Дверь снова открылась.

— Ну что, — раздался голос Зинаиды Карповны, — упрямилась?

— Да, — сказала N, и голос её прозвучал ровнее, чем она ожидала. — Почти закончила.

— Отлично, — медсестра прошла к столу, не глядя на неё. — Тогда можно и помянуть старика. И достала из-за стола ту же красноватую жидкость, попутно расставляя мензурки. Точной рукой, отмерив напиток по 50 мл - она протянула его N. На ходу, опрокинув в себя его содержимое, не чокаясь.

Молодой врач последовала её примеру.

Черт в склянке давал ощущение спокойствия.

На улице было свежо. Наступала осень. Небо затягивалось мутной пеленой, словно и оно выпило самогону. Роняло на землю сухие желтоватые листья, которые тут же покрывались пылью неровных дорог.

N глубоко вдохнула, пытаясь успокоить сердце. Тьма постепенно съедала комнату и ей начинало мерещиться что-то живое на краю карниза.

Большой тучный ворон сел прямо перед ее окном.

Она вдруг вспомнила Григорыча и тоскливое состояние вновь медленно овладевало ей.

Глава 4

ЗА ЗНАКОМСТВО.

Н просыпается снова с мутным ощущением в голове. Пытается вспомнить, что вчера было, но вечер пролетел как в тумане. Она пила за упокой души старика.

И так до конца вечера, пока не поняла, что опять отравлена.

На этот раз будильник сработал, и шансов опоздать на работу уже не оставалось.

Гром и Гроза нервно забегали по комнате в ожидании завтрака и прогулки.

Выйдя на улицу, Н еле как отвела собак от горы битых бутылок и спящего прямо на них пьяницы, свалившегося с лавки. Она даже не стала проверять, жив ли он. Как правило, алкоголики — самые живучие существа на планете. Весь день живут ночным впривскиванием накануне.

Ей очень хотелось съехать отсюда как можно скорее. Снять домик где-нибудь неподалёку. Она решила заняться этим вопросом.

И ещё одним. Нужно поговорить с Зинаидой Карповной. Обязательно.

Она приходит на работу, уже на автомате принимает пациентов, выписывает им лечение, осматривает взрослых и детей. Параллельно делая пометки в медицинских картах.

Странно, но вот уже месяц как ей больше не попадались странные записи. Как будто кто-то подчистил архив. Решил замести все следы незаконной торговли морфином.

Н решила быть решительнее и не замалчивать эту тему. В лоб задала вопрос Зинаиде Карповне, рассказав ей всё, что нашла допустимым видеть:

— Зинаида Карповна, я знаю, что вы в курсе того, что здесь происходит, — начала Н. — По крайней мере, в прошлом. Почему предыдущий врач выписывал морфин пациентам, даже тем, кому он не был нужен? Это ведь незаконно.

Зинаида Карповна долго молчала, потом отвела взгляд в сторону и сказала спокойно, почти ласково:

— Всё, что было, — уже прошло. Прошлый врач был не совсем грамотен, вот и ошибался. Не стоит ворошить то, чего уже нет. Сейчас мы работаем с вами предельно чисто. Я бы вам посоветовала сменить обстановку. Вы жаловались на соседей, я помню. У меня есть на примете хороший домик на краю деревни, недалеко от нашего фельдшера. Как раз то, что вам нужно.

Н хотела спросить ещё, но медсестра уже вышла из кабинета, оставив после себя всё тот же запах спирта и табака.

Так и оставшись без ответа, Н пошла смотреть предложенный домик, и он ей сразу понравился. Соседом оказался Пётр Замяткин — фельдшер. А по другую сторону от неё — старый подполковник с женой и маленьким сынишкой Васюткой, который был очень похож на отца.

Н сразу решила переезжать, наскоро собрав весь свой нехитрый скарб и собак, она уже обставляла вещами новый дом. Новую жизнь. Без тайн и недоговорённостей.

Она не поняла, как в этот же вечер уже сидела за столом с Пётром Замяткиным по поводу новоселья. Там она познакомилась с его женой — красивой, но холодной женщиной. Во взгляде её была немота, которая говорила больше, чем любые слова.

И Н начала подозревать, что она что-то знает.

Алкоголь - смесь дьявола с кровью .

Н решается рассказать фельдшеру о своих подозрениях. Но он лишь смеётся, знатно окосев. Взгляд его совсем разсгчелся и бархатный голос выдал:

— Да брось ты, — сказал он, икая. — Лучше самогона ничего нет. Вот это наша аптека. А всё остальное — ерунда. Я ничего такого не знаю, и ты тоже. Выпьем!

Он снова тянется к стакану, и его жена молча наливает ему ещё.

На следующий день Н уходит на работу с очередным похмельем и ещё больше накопившимися вопросами. Пытается найти тетрадь с записями пациентов, кому выписывался морфин. Но не находит. И теперь ей кажется, что всё это ей приснилось. Больше нельзя пить. Она начинает путать реальность с вымыслом.

— Может, похмелимся? — спрашивает медсестра, протягивая стакан.

— Нет, — отвечает N. — Спасибо. Не надо. Сегодня ехать в город.

Зинаида Карповна лишь молча пожимает плечами и убирает стакан.

N под предлогом того, что ей нужно много писать отчётов для города, остаётся в кабинете и продолжает искать ту самую тетрадь. В итоге она находит её за шкафом. Видимо, туда её спрятала медсестра или кто-то другой. В памяти мутным облаком всплывает тяжёлый взгляд жены Петра Замяткина.

Она второпях прячет свою находку под футболку и даже не закончив писать карты, наскоро уходит из кабинета. В густых тенях около больницы она замечает чью-то тень. Показалось. Дорога от дома до работы составляет ровно 10 минут, от крыльца до крыльца мимо магазина Вина / Воды - этот путь N могла бы пройти уже с закрытыми глазами.

Да и сколько таких прогулок можно сделать? 5-10? И обратно .

Она ускоряет шаг и, стараясь сохранять спокойствие, оказывается дома.

На выходные она решает уехать в гости к родителям, чтобы отдохнуть и переварить впечатления. Собак берёт с собой. Они её верные друзья. Но и они, кажется, что-то чувствуют, не хотя покидая дом.

По возвращении из города, N заметила , как Гром и Гроза несвойственно им беспокойно себя ведут и поскуливают,

подходя к тропинке до дома.

Приблизившись к дому, она понимает, что что-то тут не так. Чувствует чужое присутствие. Аккуратно выпускает вперёд собак. Ни звука не последовало. Собаки вернулись обратно, обследовав территорию.

Тогда N решается войти во двор и видит разгромленную веранду. Кто-то пытался выдавить окно. А на двери топором прибита записка:

«Если хочешь жить — не копай».

Глава 5

ПОДПОЛКОВНИК

Наступил декабрь. Зима преобразила Затишьино до неузнаваемости. Серые затертые до дыр улочки, будто окунули в хлорку, отбелив до неузнаваемости крыши, а покосившиеся вдоль домов заборы - в кружева на свадебном платье пьяной невесты.

Н старается не думать о зачёркнутых строчках напротив фамилий. О старом дневнике, запрятанном под матрасом. Она исправно приходит на работу, лечит и испаряется домой, гуляет с собаками, пьёт теплое вино по вечерам — и пытается убедить себя, что всё это было плодом её воспалённого воображения. Ярким выдуманым впечатлениям нового места.

Работа постепенно начала превращаться в рутину. И слух о новом докторе добрался далеко за пределы Затишьино, обхватив близ лежащие сёла.

Люди ехали на машинах семьями, на автобусах - лечиться к новому доктору. Изголодавшиеся по лечению граждане приносили с собой зубные абсцессы, головные боли, шишки на правой стопе, начесы от клопов, опоясывающие лишай и многое другое, что было долгом потрогать, послушать и сию минуту излечить - молодого доктора.

Последнюю неделю перед новым годом шли пациенты с

соседних деревень. Приходят к ней на приём, смотрели на неё с какой-то странной надеждой, но как будто боялись сказать.

Все Молчат. Будто кто-то им приказал затаиться под толщей снега. Впасть в спячку.

Сегодня в очередной раз пришёл пациент с больным зубом, она легко его удалила и назначила антибиотики. Раньше она его не видела. Наверняка опять нездешний.

Он долго мнётся у выхода, потом негромко спрашивает:
— А у вас... ну, то есть... может, есть что-то посильнее? Чтобы не болело, но чтобы и в голове чуть яснее стало?

N посмотрела на него в упор с замершим сердцем:

— Ничего нет. Только то, что по рецепту.

Он кивает, прячет глаза и уходит. Но она чувствует на себе его взгляд. Ее словно ужалили. Вскочив, вырвав старую рану.

Тем же вечером, когда N возвращалась с прогулки, она замечает у калитки женщину, туго укутанную шалью. Та стоит с корзиной и улыбается. Запах лета просочился сквозь тряпочку на корзинке. Яблоки - поняла N.

— Здравствуйте, — говорит она мягко. — Я Тамара, жена подполковника. Мы с вами соседи. Хотела познакомиться, да всё руки не доходили.

N улыбнулась в ответ. От неё веет домашним теплом.

Они говорили о погоде, о собаках, о жизни. Тамара неторопливо рассказывала, что муж служил, теперь на пенсии,

сынишка Васютка ходит в школу, а она сама выращивает цветы и очень любит принимать гостей.

— Приходите к нам вечером, — предложила она. — Муж будет рад. Мы редко видим новых людей, а вы такая... живая.

Н согласилась. Тоска по родному дому накрыла ее и ей безумно захотелось оказаться в доме, где пахнет домашним хлебом.

Вечером она уже стояла на пороге подполковника. Васютка уже спал, и женщина провожает её в комнату, где за столом сидел хозяин дома — крупный мужчина с проживающей сединой на висках. Он заметно хромот, но держался прямо.

— Проходите, — сказал он хриловато. — Садитесь. Вот, настойка на рябине. Согревает не хуже самогона.

Они опрокинули по три , разговорились. Звонкий смех Тамары освещал дом и комнату в которой они поселились, и Н вдруг сильно захотелось остаться у них жить. На щеках подполковника разгорелся юношеский румянец. Н много расспрашивала его о жизни в посёлке, о людях, о своей медсестре, о детях и семье. И вдруг он говорит:

— Хорошо, что вы приехали. А то тут раньше был врач... так себе, честно говоря. Мне вот в прошлом году тяжело было. Ранение, знаете, дало о себе знать. Я тогда чуть не пропал. Хорошо, одно средство нашли. Дорогое, но помогло. Я,

правда, так и не понял, откуда его брали. Сказали, что из города привозят. Специально ждали, пока появится. Тогда с этим дефицит был, сами понимаете.

Н замирает.

— Какое средство? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Подполковник опустил взгляд на дно стакана, будто ища в нем ответ:

— Обезболивающее. Сильное. Говорят, сложно было достать. Но врачиха та устроила. Мы, говорит, подождём пару недель, из города привезут. И привезли.

Он улыбнулся, в очередной раз поднимая за здоровье. На секундуглаза провалились, удалились - почернели.

Н не стала отставать, последовав его примеру.

Она посмотрела на него, уже и так всё понимая: морфин. Всё это время — через город, через посредника, через ту самую схему, которую она искала.

— А вы не знаете, — медленно спросила она, не скрывая своего любопытства — кто именно возил?

Подполковник пожал плечами:

— Кто-то из города. Говорили, человек приезжал и привозил. Но я не видел. Тогда мне было не до этого тогда.

Н кивнула, улыбаясь.

Глава 6

ВОЛК В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ

Н не терпелось дожидаться следующего дня, чтобы подтвердить свои догадки. Ей предстояло связать нить между амбулаторией и сбытом сильного обезболивающего через город.

Было решено ехать в главную больницу.

Ехать до главного корпуса поликлиники без малого три часа на электричке, но настрой был решительный. Нужно разобраться в том, что происходит. С собой, как вещественное доказательство она взяла тетрадку с архивными записями по сбыту морфия местным жителям. Эта тетрадь - единственное что разделяло в ее истории вымысел от реальности.

Неожиданно, на перроне она увидела знакомую фигуру. Жена фельдшера вросла, как черный лотос на краю платформы. Н было подняла руку ради приветствия, но что-то вдруг остановило её и громкий звук приближающегося поезда оборвал связь.

Шлейф присутствия остался с ней на всю дорогу. Она не могла перестать думать об этом и чувствовала её присутствие сквозь перроны. Её не было видно в вагоне электрички, но когда Н вышла на ближайшей остановке около больницы, она ощущала, что что-то осталось вместе с ней. Что эта женщина — как тень — следует за ней рядом. Н не ви-

дела её и не могла доказать, но чувствовала, как что-то впи-
лось ей между лопаток.

Она зашла в здание главной больницы. Поликлиника ока-
залась просторной, с белёсыми стенами, совсем новой — не
такой, как её амбулатория. Здесь пахло чернилами, скурпу-
лезной деловитостью консьержки, выдававшей бахилы тому,
кто этого более всего достоин. Это место кричало о том, что
здесь помогут не всем. В каждой больнице так. Люди прихо-
дят, просят о помощи, ждут её часами, стоят у дверей, по-
лучают её — и всё равно уходят с недовольными лицами.
Такова суть бесплатной медицины. Эта система, из которой
никто не может убежать.

Она подошла к кабинету главного врача. На двери висела
большая золотая табличка с надписью. Н постучала робко,
но затем решила быть решительнее и толкнула дверь.

Её встретил большой кабинет с длинным столом, как у
депутатов. В конце его сидела женщина — явно старше пя-
тидесяти, почти шестьдесят, с короткой стрижкой седых во-
лос, которые словно облако обвивали фигуру её головы. На
ней были очки. И сквозь стёкла проглядывали глаза — та-
кие, будто они знали о тебе больше, чем положено.

Н поздоровалась, робко села напротив и сказала:

— Здравствуйте, Зинаида Викторовна. Я пришла к вам
с небольшим вопросом. Скорее, с просьбой. Мне нужно по-
мочь разобраться. Развеять моё подозрение о том, что про-
исходит на моем рабочем месте. Мне кажется, вы поймете

то, о чем я сейчас буду говорить.

И она решила довериться ей. Это был единственный человек, способный предпринять существенные действия, дабы довести эту историю до логического конца.

Н робко достала из сумки тетрадь с архивными записями и протянула её главному врачу.

— Посмотрите, пожалуйста. Здесь всё написано. В принципе, здесь всё и сказано. Кто-то незаконно перепродаёт через мою амбулаторию морфий. Точнее, есть большие подозрения, что предыдущий доктор занимался этим. Люди приходят ко мне, и я вижу в их взгляде, в их немых просьбах — дать им то же самое. Они хотят, чтобы я продала им морфий. Но у меня его нет. У меня его не то что нет — я не понимаю, каким образом это вообще могло попасть в наши стены. Я хочу распутать это дело, я хочу понять, почему люди продолжают приходить ко мне с этой просьбой, как будто ожидают, что я им чего-то дам. Мне кажется, это может нести за собой большие проблемы.

Главный врач взяла тетрадь, несколькими резкими движениями перелистнула страницы — как будто заранее знала, что там написано. Даже не удосуживаясь взглянуть и разобраться, она откинула тетрадь обратно на стол, словно это было отравленное яблоко.

— Тебе не стоит этим заниматься, милочка, — сказала она, глядя на неё ровным, уставшим взглядом. — Поверь мне, это дело давным-давно закрыто и распутано. Мы боль-

ше не хотим, чтобы кто-то в это лез. Прошлый доктор вёл себя не по статье Гиппократы. Это была большая ошибка, и все об этом знают. Никто больше этим не хочет заниматься. И тебе тоже не следует в это впутываться. Оставь это, если хочешь и дальше спокойно работать в своей больнице.

— Но это же продолжается, — тихо сказала N. — Ко мне приходят люди. Они ждут, что я дам им морфин. Это не просто прошлое. Это всё ещё здесь.

Главный врач тяжело вздохнула, сняла очки, и сказала , посмотрев на N с хитрым прищуром:

- а, может это всё ты написала ?

Ни тебе, ни мне не знать об этом. Так что оставь это дело и иди с миром. Если не хочешь, чтобы мы тебя перераспределили в другое село. Работай спокойно. Ты хороший врач, у тебя много приятных отзывов. Не порти свою карьеру, милочка.

На этом она улыбнулась. В её глазах вновь промелькнула вежливая улыбка, и взгляд помутнел за толстым стеклом.

Это была скрытая угроза. Внутри у N. похолодело. Она аккуратно взяла свою тетрадь,

Решительно поблагодарив за внимание, она стремительно удалилась из больницы.

Она дошла до остановки в липких мыслях о том, что зря вообще это всё затеяла. Подняла ил со дна и теперь не может от него отделаться. Отмыть своё лицо, руки, на которых как будто написано : " я знаю ,что люди в селах употребляют

морфин!"

Электричка обратно не спешила приходить. Прошло около часа, прежде чем N смогла оторвать одеревеневшие от холода ноги на железную платформу.

Неужели это тупик. И ей действительно больше не стоит выходить на этот след. В долгих размышлениях, N ощутила как холодный пот, соскользнул у неё по телу. Чей-то чужой взгляд опять пронзил ее тело, приковав к затылку — будто липкая жвачка или мазут — застрял между пальцами.

И она никак не могла избавиться от него, смыть. Смыть с себя эту тайну, эту грязь.

С этой мыслью N наконец закрыла глаза, прислонившись к стеклу.

Она сразу же провалилась в тревожный поверхностный сон. Образы в котором менялись словно тени промелькивающих деревьев за окном поезда.

Сквозь пелену закрытых глаз она вдруг услышала ясные шаги, ступающие приятно, как глухие кастаньеты.

Её разбудила проводница, объявив, что они прибыли на конечную остановку. Затишье.

N вышла и уже в потёмках пошла знакомой тропинкой.

Дойдя до дома, она включила свет. Собаки весело приветствовали её. Она поставила чайник, заварила себе вкусный чай из смородины. Вино пить уже не хотелось. Села, задумчиво уставившись в окно. Долго смотрела на метель, на выюгу, на то, как ветер задувает снежные барханы. Как буд-

то тайну хотят скрыть не только люди, но и сама погода, и ветер, и всё, что скрыто в этом месте, пытается погрузить её в забвение.

На всякий случай N решила разложить вещи из сумки. Завтра нужно было идти на работу, и чтобы было свободное место, она решила подготовиться ко дню заранее — она всегда так делала, этому её научила мама. В какой-то момент её рука ощутила непривычную лёгкость сумки. Там лежала большая тетрадь с записями. С теми самыми записями, которые связывали её с настоящим, делали её тайну не выдуманной.

Холодный ток пробежал по телу N. Лёд пустоты обжёг ей пальцы. Обыскав всё дно портфеля, она поняла, что её единственного доказательства того, что она не сошла с ума теперь нет.

А не приснилось ли ей всё это?

Глава 7

ЕГОРКА.

После последней поездки N долго не могла прийти в себя. Она ходила по дому, по амбулатории, по заснеженным улицам Затишина — и всё пыталась убедить себя, что тетрадь ей не приснилась. Что она действительно существовала.

Она начала сомневаться в себе. В своей памяти. В том, что видела и что читала.. Каждый день, возвращаясь с работы, она перебирала в голове детали — но они расплывались, как чернила на мокрой бумаге. Может быть, она действительно всё придумала? Может быть, Зинаида Карповна была права, когда говорила, что ей нужно больше отдыхать?

N почти поверила в это.

Пациентов, которые просили «что-то посильнее», становилось всё меньше. Они просто перестали приходить.

Или она перестала замечать их .

Всё вокруг будто затягивалось туманом.

А Зинаида Карповна становилась всё мягче. Всё чаще задерживалась после смены, наливала N самогон, рассказывала последние сплетни с деревни и они вместе смеялась.

N замечала, что медсестра уже не раз приходила на работу с тяжёлым взглядом и лёгким запахом перегара. Но она не подавала виду. Зачем? В Затишине все так живут, что тут такого..

Новый год прошёл тихо. N встретила его в одиночестве, с собаками и бутылкой тёплого вина. Снег падал стеной, и казалось, что весь мир замер. Она даже не загадывала желание. Не видела смысла. Но к родителям на январские праздники она все же съездить решилась.

А через несколько дней после праздников, по возвращению домой от родителей, N увидела любопытную картину. Как какой-то мальчик пытается перелезть через ворота её дома, но всякий раз соскальзывает в сугроб. И вновь повторял свою попытку.

N окликнула его:

— Эй! Ты что делаешь?

Мальчик вздрогнул, но не убежал. Он посмотрел на неё исподлобья и буркнул:

— Тебе какое дело?

— Это мой забор, — сказала N, подходя ближе. — И я не хочу, чтобы его ломали.

Мальчик дёрнулся и хотел убежать, но она схватила его за капюшон — ткань предательски затрещала под рукавицами и ей пришлось отпустить его.

— А ну стой! — сказала она. — Кто ты такой? Что здесь забыл?

Мальчик вырвался и, не оборачиваясь, бросился прочь. Так и мелькнули дырявые валенки и пуховик, из которого он явно давно вырос.

На следующий день она снова увидела его. Он стоял у её

забора, но на этот раз просто смотрел. Собаки громко лаяли, рычали, бросались на сетку. Мальчик не двигался.

N вышла на улицу. Он напрягся, готовый снова бежать. Но на этот раз она не стала кричать.

— Не бойся, — сказала она. — Я не буду тебя ругать. Как тебя зовут?

Он помедлил, потом выдавил:

— Егорка.

— Егорка, — повторила она. — А я — N. Я врач.

Егорка настороженно уставился на неё.

— Ты не орешь на меня, — сказал он вдруг.

N улыбнулась.

— Я знаю, — сказала она. — Я вообще не очень умею злиться. Ты голоден?

Егорка кивнул.

Она завела его в дом. Собаки, недовольно ворча, улеглись в углу. N достала из холодильника хлеб, сыр, колбасу и чай. Он тут же жадно набросился на предложенные угощения. Во взгляде его была не по годам тяжелая усталость и понимание. Как будто пересадили глаза от седого всезнающего старика в тело ребёнка.

После чая N взяла большой пакет конфет, которые накопились от благодарных пациентов, и протянула ему.

— Это тебе, — сказала она. — Я не ем сладкое. А ты любишь?

Егорка взял пакет, посмотрел на него, потом на неё.

— А ты правда врач? — спросил он.

— Правда.

— Тогда ты должна знать про старого доктора, — сказал он.

N замерла.

— Какого такого доктора? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— да который уволился той весной, — сказал Егорка. — Моя мама ходила к ней. Она говорила, что тот давал ей «сладкое лекарство», чтобы она не плакала. Говорила, что оно дорогое, но шибко полезное.

И что он выписывал его не всем, а только тем, кто платил. Или кто был должен.

У N перехватило дыхание.

— Егорка, — сказала она, придвигаясь ближе, — откуда ты это знаешь?

Он пожал плечами, поглащая уже 5ю конфету.

— Я всё знаю, — сказал он. — И всех знаю. Я по деревне хожу, смотрю, слушаю. Кто спит, кто пьёт, кто за чем ходит. Я знаю, где жена фельдшера хранит деньги. И что она боится, если кто-то узнает. Я знаю, кто из мужиков до сих пор спрашивает у докторов «то самое». И , кто к тебе приезжал недавно, искал твой дом.

— Кто? — спросила N.

Егорка спокойно посмотрел на неё, жуя конфету, и ответил:

— Та женщина. Которая тебя искала. Она ходила вокруг твоего дома, когда тебя не было. Смотрела в окна. И говорила с Зинаидой Карповной.

N сглотнула.

— И кто это был? — аккуратно спросила она.

Егорка кивнул.

— Я думал ты уже сама догадаешься — усмехнулся он.

— То же мне академик ! - не скрывая своего превосходства заявил мальчик .

- Вот тебе подсказка : Эта женщина всегда молчит, но всё знает. И она знает она даже больше, чем её муж.

N нахмурилась.

— Странно, но в голову пришёл только один человек по описанию.. Жена Петра Замяткина? Но как же так?

— А вот так, — продолжил мальчик , громко прихлопывая чаем — Он же из южных приехал. Говорит с акцентом, бумаг не очень понимает. Врачиха ему давала подписывать, а он думал — ну, документы, ну, рецепты. А там были разрешения на выдачу. На морфий. Он не понял даже, что подписывает. А она уже потом эти бумаги использовала. Как прикрытие.

У N пересохло во рту.

— То есть... фельдшер не знал, что подписывает?

— Не знал. А когда узнал, уже поздно было. Испугался, — Егорка понизил голос, хотя в доме никого не было. — Его жена всё поняла. Она вообще умная, всё просекла. Но она

не дала ему ничего говорить. Сказала: молчи мол, и никто ничего не узнает. Ты же не специально. расскажешь — тебя посадят. Вот он и молчит. И пьёт теперь пуще обычного.

Н смотрела на мальчика, не в силах вымолвить ни слова.

— А жена его... — начала она.

— Она хорошая, — сказал Егорка спокойно, как будто говорил о погоде. — Но знает больно много. Следит. Явно не хочет, чтобы ты копала. Потому что если правда вылезет — конец ее семейной жизни. А она же сама из южных, у них там с этим строго. Назад она не прибежит. Семья не примет.

— мне кажется, что это она забрала мою тетрадь, — прошептала Н. — Это она взяла её в электричке.

Егорка не удивился.

— Она много чего забирает, — сказал он. — Она как тень. Ходит, смотрит, молчит. И никто не знает, что у неё в голове.

Н закрыла глаза. Картина складывалась.

— А твоя мама? — спросила она осторожно. — Егорка, ты говорил, что она ходила к той врачихе...

Мальчик резко поднял голову. В его глазах мелькнула тень — старая, усталая, почти взрослая.

— Она была одной из первых, — сказал он. — Ей дали морфий от боли. Говорили, что это просто обезболивающее. Но она быстро привыкла. А когда врача уволили, морфий исчез. И мама... она стала пить. Сначала редко, потом каждый день. Теперь она почти не выходит из дома. Только лежит и смотрит в потолок.

Он помолчал, сглотнул.

— Да нет у меня больше мамки, пьёт всё она, — сказал он, не глядя на N, как бы подытоживая.

N почувствовала, как внутри разлился свинец. Она смотрела на этого мальчика, который знал больше, чем любой взрослый в Затишине, и который носил в себе эту боль, как старый, потертый рюкзак

— Егорка, — сказала она, — я хочу довести эту историю до конца. Ты мне поможешь?

Он поднял на неё глаза. В них была какая-то странная теплота, надежда, как будто ему впервые доверяли.

— Помогу, — сказал он. — Я тебе всё расскажу. Кто, где, что. Я всё знаю.

N протянула руку и коснулась его плеча.

— Тогда мы команда, — сказала она.

Егорка не улыбнулся, но по его лицу было видно, что он крайне доволен своей новой миссией.

С этого дня в Затишине у N появился первый настоящий друг.

Глава 8

ДНЕВНИК

Единственный способ не сойти с ума — это записывать то, что ты делаешь.

Эти слова засели в голове, как гвоздь. И теперь, когда всё вокруг стало зыбким, как болото за околицей, она решила вести свой личный дневник - альтернативную версию утраченного архиву.

Она больше не сомневалась, что ей это нужно. Теперь это стало ее принципом.

Тетрадь пропала. Тень следовала за ней по пятам. Зинаида Карповна улыбалась всё мягче, а наливала всё чаще. Но N теперь знала: это не забота. Это анестезия.

Способ медленно и профессионально погрузить N в забытьё.

Она решила больше не спать.

Теперь у неё был был тощий мальчик в дырявых ботинках, который знал всех и всё. Он приходил почти каждый день — то за конфетами, то просто так - поздороваться. Собаки уже привыкли к нему, Гром охотно позволял себя гладить, и они гуляли вместе по лесным тропам. Егорка садился на табурет у окна, болтал ногами и рассказывал последние сплетни.

Про дома, где по ночам не гаснет свет. Про мужиков, которые собираются в бане у реки и о чём-то шепчутся. Про

жену фельдшера, которая ходит по деревне, как тень, и несет в своём молчании обет тишины перед своим Богом. Про старую врачиху, которая жила в соседнем селе.

— А куда уехала? — спросила N.

Егорка пожал плечами:

— Никто не знает. Как будто и не было её. Она из соседнего села была, там жила. А я тебе только про здешних могу рассказать.

N задумалась. Врач, который был до неё, — растворился как кубик морфина — исчез без остатка.

— Значит, искать надо там, где её точно могли видеть, — сказала N.

— Где? — спросил Егорка.

— В администрации, — ответила она.

Мэр Затишина сидел в кабинете, который будто законсервировало время годах этак в 80х : стол, сейф, портрет на стене, чахлый фикус на подоконнике и длинный стол для переговоров.

Мэр был среднего возраста, полноватый, с мягкими руками и вечно бегающими глазками. Когда N вошла, он поднял голову и улыбнулся — так, улыбаются, когда заранее знают, что разговор им не понравится.

— Слушаю вас, — сказал он.

N села. Положила руки на стол. Посмотрела ему прямо в глаза.

— Меня интересует врач, который работал в нашей амбулатории до меня. Вы можете сказать, куда он делся?

Мэр моргнул. Улыбка его стала чуть шире, а взгляд испуганнее. Он потянулся к стакану с мутноватой жидкостью, отпил.

— А зачем вам? — спросил он, стараясь говорить буднично. — Уволился, уехал. Обычная история.

— Куда уехал?

— Ну, кто же это упомянет. — Он снова отпил. — У нас тут люди приезжают, уезжают. Всякие и довольно-таки часто.

N наклонилась вперёд:

— А вам что-нибудь известно про морфин?

Мэр поперхнулся. Поставил стакан резко, так что вода плеснула на стол, на какие-то важные документы.

Тут же попытался вытереть всё рукавом, но рука предательски задрожала.

— Я не понимаю, о чём вы, — сказал он тихо. — Это всё слухи. Ничего не было. Никто ничего не выписывал.

— Я не говорила, что выписывали.. — аккуратно сказала N.

Мэр молчал. Потом посмотрел на дверь — быстро, как будто проверяя, закрыта ли она. И вдруг заговорил совсем другим голосом, низким, почти шёпотом:

— Послушайте. Я вас знаю. Вы хороший человек, зачем вам это? . Но ели вы и правда ищите эту врачиху... — он

сглотнул, помедлив — то спросите, не осталось ли у неё для меня подарочка.

В следующую секунду мэр уже снова улыбался, как ни в чём не бывало. А в пустых глазах замечались бильярдные шары

— Всё, идите, — сказал он. — Мне некогда. У меня сегодня приём граждан по земельным вопросам.

N встала. Не оборачиваясь, хотела уже идти к выходу, как вдруг ощутила под своей ладонью холодные влажные пальцы, упорно сующие ей бумажку. Записка проникла сквозь ее ладонь почти незаметно. N негромко выдохнула и сжала этот клочок бумаги, направилась к двери.

— Никому не слова. Ради вашей безопасности. И моей. — сбивчиво прошептал он.

Электричество не работало во всем посёлке и N шла домой уже по темноте.

Собаки встретили её у порога. Она прошла в комнату, отыскивала хозяйственные свечи, чиркнула зажигалкой. Наконец села за стол, достав дневник.

«Сегодня у меня появился адрес прошлого врача. "п.Безнадегово, ул. Туманная, дом 9».

За окном завывал ветер. Где-то далеко, в темноте, залаяла собака. Гром поднял голову, прислушался, потом снова опустил. Гроза продолжала мирно сопеть на кровати.

N вложила меж страниц записку с адресом, закрыла днев-

ник и погасила свечи

Глава 9

КОЛОДЕЦ

Наскоро закрыв смену, утром следующего дня N уже думала, как ей добраться до соседнего посёлка.

Раз в сутки ходил автобус, который объезжал все посёлки и останавливался на конечной — Безнадегово. Ехать туда было далеко и долго, что предвещало: N прибудет в село уже под вечер, даже если выедет рано днём. Но выхода не оставалось.

Безнадегово встретило её унылыми фасадами всё тех же домов, вяло тянущимися улицами, затянутыми плотной плёнкой белого снега. Как будто кто-то надел на N очки, забыв протереть их сначала.

Нужную улицу она нашла почти сразу. Спросила дорогу у местной бабушки, стоящей на дороге.

— Не подскажите, как выйти на Туманную? — сказала N.

Вместо ответа старуха сложила в форме погнутой ветви указательный палец. Молча указала дорогу.

Ничем не примечательный домик с покосившимися ставнями смотрел на N пустым взглядом. От такого вида внутри у неё похолодело. Ворота были открыты, и она вошла, не постучавшись.

— Есть кто? — неуверенно прокричала она.

В ответ подул ветер, подхватив её слова — и разорвав их на обрывки по пустому двору. Здесь явно никого не было. Причём давно.

Дверь дома была заперта на замок. Войти не представлялось возможным. Нервно подёргав за ручку, N решила сдаться, чтобы не создавать лишнего шума. Может быть, получится войти через окно? Она решила обойти весь дом по периметру в поисках хоть какой-нибудь лазейки.

Вещи на территории участка были раскиданы так, будто хозяева покидали этот дом в спешке. Тачка со сдутым колесом стояла гружёная щебнем. Комплект почти нетронутых лопат облокотился на стену дома. На секунду мир N перевернулся: она неожиданно поскользнулась на чём-то очень гладком и твёрдом. Поймав равновесие, громко выругавшись, она обнаружила на земле почти новую, тронутую лишь временем ручную пилу.

«Мда, прошлый врач тут явно жил один и не собирался уезжать, раз накопил столько инструментов. Хотел восстановить дом своими силами».

И тут её взгляд упал на большую крышку люка на заснеженной поверхности. Должно быть, колодец, — подумала она и направилась в его сторону.

С большим трудом N отодвинула металлическую крышку — и застыла в немом оцепенении.

Прошло не менее пяти минут, прежде чем она вновь смогла двигаться. Крик застрял у неё поперёк горла, и она с боль-

шим усилием заставила себя проглотить его.

На дне колодца лежал человек.

Н стояла на краю, не в силах ни двинуться, ни отвести взгляд. Ветер шевелил её волосы, снег падал на плечи, но она не чувствовала холода. Внутри было пусто. Только тишина. Такая, что слышно было, как где-то далеко лает собака.

Не мешок и не тряпка. Человек.

Сначала она увидела силуэт, затем — руку. Она вмёрзла в стену колодца: пальцы растопырены, ногти впились в лёд, будто он пытался удержаться, вылезти, выбраться. Но не смог.

Потом — очки. Треснувшие, на цепочке. Они косо повисли на груди, цепочка зацепилась за ухо, и стёкла смотрели вниз, на ботинки. Ботинки всплыли на поверхность и покачивались на чёрной воде, как два пустых поплавка.

Она не видела лица. И, наверное, не хотела видеть.

Но и так уже было понятно.

Это был хозяин дома. Врач.

Первое, что она сделала — отступила на шаг. Потом ещё на шаг. Затем медленно, как будто обезвреживает мину, наклонилась и взялась за край металлической крышки.

Тихо закрыла колодец, почти не дыша, как будто боялась разбудить того, кто лежал внизу

Как смерть медленная, овладевает морфинтом. Человека нет, он выключен. Ничего не хочет кроме морфия.

как погребённый заживо. существует оболочка , так врач сам того не зная, стал олицетворением того, что продавал..

Крышка легла на место с глухим стуком. N выпрямилась. Руки дрожали.

Она оглянулась. Двор был по-прежнему пуст. В Безнадегово её видел только снег, который всё падал и падал, заметая следы. И бабка.

N вышла со двора, не оборачиваясь. Калитка скрипнула, и она вздрогнула. Но не остановилась. Тут же пошла быстрым, уверенным шагом, как будто приезжала сюда по делам, по очень срочному вопросу — и теперь спешила вернуться домой.

До автобусной остановки было далеко. Она глядя под ноги, и считала шаги. Один. Два. Три. Четыре. Как в детстве овечек.

Автобус пришёл через сорок минут. Она села на заднее сиденье, прижалась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза. И только тогда её начало трясти. Выюга оледенела испуганное тело.

Всю дорогу до Затишина она не могла согреться. Руки, ноги, лицо — всё было ледяным, несмотря на мощную печку в автобусе.

Дома она не стала зажигать свет. Прошла в комнату, села на пол, обняла собак. Наскоро покормила их. Гром положил голову ей на колени и вздохнул. Гроза легла рядом, уткнув-

шишь носом в её бок.

— Он не уехал, — прошептала N в темноту. — Он никогда не уезжал.

Она просидела так до утра. Не спала. Просто сидела и слушала, как ветер бьётся в окно.

Утром она открыла дневник и написала одну строчку:

«Это было убийство. Прошлого врача закинули на дно колодца и закрыли крышкой. Сегодня я его нашла».

Она закрыла блокнот и убрала его под матрас. Потом встала, умылась, надела халат и пошла на работу, как ни в чём не бывало. Её не покидала мысль о том, что о трупe могли всё это знать и жена фельдшера и её медсестра. И её главный врач. Сколько же людей замешано в этом деле ? Людей влиятельных, значительно сильнее её.

Ей больше не хотелось продолжать эту историю. Она отчаянно пыталась уверить себя в том, что всё это был сон и она просто ошиблась, попав в нелепую случайность.

Но скрип крышки колодца эхом засел у неё в голове, отдаваясь пульсацией всякий раз, когда она закрывала глаза.

На работе Зинаида Карповна предложила ей выпить са-могону после смены и N даже не думала отказываться. Она ждала этого момента. Понимая, что ближайшее время ей это дело не бросить.

Глава 10

ГОСТЬЯ

Н возвращается домой и чувствует, как ее медленно утягивает паника. Нелепые предрассудки становятся вполне реальными последствиями и она чувствует на себе взгляды из-за углов, из под крыш зданий и даже из под дивана. Кажется, что еще чуть-чуть, они обретут голос и завизжат, как голодные поросята - "Вот она! Держите её! Это она убила доктора!"

Она продолжает идти, вспоминая как еще недавно эти же люди казались ей крайне дружелюбными.

А может всё это ей только казалось? И они всегда были так настроены.. Или алкоголь - смесь дьявола с кровью - делало мир для неё добрее?

Она - Единственная, кто может свидетельствовать что врач никуда не уезжал. Что он лежит там, погребённый заживо на дне колодца.

Значит ли это, что она — следующая? Эта мысль не давала покоя.

Ей нужен последний рывок. Дожать эту историю до конца. А потом — исчезнуть. И желательно живой.

Егорка стоял у её забора, опутив голову. Плечи вздрагивали. Он плакал.

— Меня обругали соседи, — сказал он, не поднимая глаз.

— Тётя Тамара кричала. И жена фельдшера. Сказали, чтобы я не ходил к тебе. Что мол я своровать у тебя хочу что-нибудь. Чтобы меня тут быть не должно.

N молча посмотрела на него, понимая, что другого шанса не будет.

И наконец произнесла:

— тебе действительно тут лучше не появляться.

Он в растерянности поднял голову

— уходи — повторила она ровно. — Ты сам всё сказал. Я до последнего не верила слухам, но теперь у меня не остаётся другого выбора. Соседи будут жаловаться, позовут полицию если ты еще раз здесь появишься.

Он хотел было что-то сказать, но слезы его опередили, шагнул назад в растерянности. Детская обида, пожалуй, самая грустная нота за всё это время, легла на её плечи. Ей хотелось обнять его, сказать, что все это она делает ради его безопасности. Что ей угрожает опасность, и ему ни место в этой истории.

— Иди отсюда - отрезала N.

Егорка смотрел на неё. В глазах — непонимание. Едкая боль.

— Значит, ты такая же, — сказал он тихо. — Как все.

— Такая же, — кивнула она. — А ты думал, я другая? Все тут одинаковые. Иди. И больше не приходи.

Он постоял ещё секунду. Потом повернулся и пошёл. Не оборачиваясь.

Н смотрела ему вслед, пока фигурка в большом пуховике не растворилась за поворотом.

Потом закрыла дверь. Задвинула засов. Прислонилась спиной.

Собаки подошли, легли у ног. Гром вздохнул.

Она сползла на пол. Обняла колени. И сидела так, не двигаясь.

Ночью она не спала.

Открыла дневник. Перечитала всё, что писала с самого начала. Строчка за строчкой. Имя за именем. Даты. Дозы. Фамилии. Всё, что успела запомнить, всё, что успела записать, пока тетрадь была у неё.

Эти записи могли бы расценить как плод её фантазии или же как единственную зацепку, способную связать ее историю с реальными фактами.

Она закрыла блокнот, прижала его к груди и уставилась в окно.

Достаточно ли аргументов она имеет, чтобы говорить с участковым?

Достаточно для чего? Для полиции? Для дурдома?

Есть время подумать, он поедет из города. Есть время сбежать.. Человек с дипломами сбежал, какая глупость..

Утром она набрала номер районного отдела.

Гудки. Долгие.

— Дежурная часть, слушаю.

Н сглотнула.

хочу сообщить о происшествии. В Безнадегово. В одном из домов. В колодце — тело.

Пауза.

— Ваша фамилия. Адрес.

Н на секунду замялась, но потом ответила ровным безжизненным голосом то, что от неё требовалось.

— Ожидайте, — сказали в трубке. — С вами свяжутся.

Положили трубку.

Н села на пол. Собаки подошли, легли рядом. Гром положил голову ей на колени. Гроза свернулась клубочком у ног.

Она сделала это. Она не могла поступить иначе.

Поимо страха, она не могла определить в себе еще одно странное чувство. Что-то в голосе полицейского на другом конце провода ей не понравилось.. Как будто он уже знал, что она позвонит..

Теперь оставалось только ждать. Волнуясь и мучаясь, она пролежала в холодном поту, как больной чумой, не находя себе места.

Ждать пришлось недолго. Спустя пару часов, в глубокой ночи она резко проснулась от громкого звука. Полиция приехала - подумала Н.

Но почему они не перезвонили? Обещали, что свяжутся..

В дверь постучали. Н вздрогнула еще раз. Гром вскочил,

зарычал.

— Кто там? — спросила она, не подходя.

Стук повторился. Требовательнее.

На крыльце стояла жена фельдшера. В руках у неё была тетрадь.

Глава 11

СДЕЛКА

Бледное лицо, не званной гостьи, отражало лунный свет. Ее и без того темные глаза провалились, удалились - почернели.

N впилась в нее немым взглядом, не находя, что сказать, заговорила первой:

"Что вам нужно?"

- Разговор есть. Мы должны кое-что что обсудить

В том она не сомневалась. N отступила от порога и впустила женщину в дом.

- Во-первых, я хочу вернуть тебе то, что украла - сказала она, кладя на стол тетрадь.

- Во-вторых, - продолжила она, чуть запинаясь, у меня к тебе есть просьба. Точнее не просьба, а сделка. Ты уже обо всем в курсе, ты не могла иначе поступить, хоть мы на это и надеялись. Но твое любопытство зашло слишком далеко, и теперь опасно весит на только над тобой.

Я хочу, чтобы ты забрала эту папку с записями и подделала всё подписи на свои или еще чьи либо, но только, чтобы эта история не касалась моей семьи. Моего мужа. Возьми на себя ответственность за это дело, сделай так чтобы мы могли избежать наказания за то, что он.. - тут она замолчала, отвернувшись. И N заметила на ее лице мокрую дорожку слёзы.

- сделай так чтобы он не пострадал. - закончилась она.

- но как я могу подделать все эти записи? Их больше сотни и я жк не могу переписать их заново?

- можешь . своей рукой . сделай это, иначе ты огребешь последствий больше , чем ожидаешь. Тебе светит не тюрьма, не наказание за ложный донос.. Нет. Тот, кто стоит за этим сделает так чтобы ты составила компанию прошлому врачу. И они уже ищут тебя .

Я надеюсь, ты не звонила в полицию?

- звонила.. Испуганно произнесла N.

- тогда времени у нас меньше, чем я предполагала - тебе нужно бежать . прямо сейчас. Тетрадь перепишешь по пути . Собирайся.

N растерянно смотрела куда-то мимо жены фельдшера, в ступоре, пытаясь осознать произошедшее. Мозг туго переваривал , выпущенные в воздух слова, отторгая информационную массу. Её стошнило, она вспомнила всплывшее тело старого доктора, его мокрые, слипшиеся волосы и заиневевшие очки. Безжизненно, болтающиеся плети рук, которым уже никогда не суждено было взять хирургический инструмент. Инструмент теперь занесут только над ним. Его коллеги - в морге будут искать причину смерти. Естественно, когда труп разморозится.. В глубине души N очень надеюсь, что врачебные эксперты найдут доктора на дне колодца раньше, чем это сделает приближающееся дыхание весны. И санитары леса начнут работать над уничтожением предельно важ-

ных следов, улики, ведущих к убийце..

- Я поеду, но куда ? - наконец-то вымолвила N. Ее уже руки начали автоматически собирать вещи, в голове перебирая самое важное. Паспорт, деньги, телефон, зарядка, ключи .. В принципе это всё, что у нее было.

Собаки весело завиляли хвостами, в предвкушении длительной прогулки.

где-то далеко в небе потянуло весной.

Светает. Мутно и беловато.

Жена фельдшера ушла час назад, оставив на столе ценную тетрадь с записями и N в состоянии полного душевного распада.

Глава 12

ДОРОГА

Она взяла старую дедушкину семёрку, объяснив это тем, что ей срочно нужно за город, развеяться с собаками.

И уехала, ни с кем не попрощавшись.

Вязкое чувство вины перед родителями не давало ей покоя. Что она им скажет ? Простите меня, но я оказалась втянутой в очень неприятную историю. Я отработала всего год врачом в Затишьино, хоть должна провести там еще 3 года по контракту. Я знаю, как вы переживали, как вы радовались за меня, когда дела пошли в гору и я наконец нашла куда прибиться подальше от системы, но и тут не вышло. Она хотела спокойно работать врачом, стать своим человеком в посёлке. Построить дом, найти там мужа и родить пять детей. Вдали от городской суматохи, от потерянного времени в утренних пробках, от соблазна выпить вечером алкоголя, от душного запаха сигарет вперемешку с заводским смоком. Или ей душно было что хотелось? А чего же ей хотелось на самом деле ?

Способность проводить жизнь в полном одиночестве. Вот её супер-способность. Она боялась этого чувства, понимая, что с каждым годом ей становится всё труднее представить свой быт с кем-то.

Но страх за свою жизнь, за проявленное невовремя любопытство - подгонял ее двигаться дальше .

На юг.

Пусть родители переживают, но им нужнее живая сбежавшая дочь, чем мертвая, но оставшаяся на своем месте.

Она вздрогнула от звонка, не ожидая увидеть стационарный номер на экране. Без промедления взяла трубку.

- Алло, это N? - спросил мужской голос в трубке.

- Да - ответила она, затаив дыхание.

- Вы обвиняетесь в незаконной торговле наркотическими веществами - с суховатой усмешкой заявили на другом конце линии.

- Скажите свое точное местоположение и мы за вами приедем. - продолжал передавать голос.

- Вы точно из полиции? - глупый вопрос. Но N вспомнила слова жены Петра Замяткина. Она предупредила ее о том, что в местном отделении уже подвязано на счет этой истории. И они просто ждали её, ждали момента, когда она сама нырнет к ним в эту паутину, чтобы потом спокойно подползти и впрыснуть яд. Факт того, что вчера они так и не перезвонили лишь подтверждал её догадки.

- Вам звонит начальник отдела полиции! - начал наседать он.

- Я.. Не могу сообщить вам, где я нахожусь. Собственно я и сама не знаю, где я. Меня нет в городе, я уехала из Затишьино .

- когда вернетесь ?- продолжал он - мы имеем право наложить на ваше имущество арест и вас внести в список ро-

зыска, если вы немедленно не явитесь в отдел полиции ! - пошли угрозы.

- боюсь, что я все же не смогу выполнить вашу просьбу, я буду ждать суда и официальных подтверждений обвинения - сказала N.

Все это время она ехала по трассе, смотря на дорогу.

Спасибо страху за то, что он сделал её храброй.

Она даже представить себе не могла, как один нелепый случай заносит одного человека.

В трубке на другом конце провода слышались помехи и связь начала пропадать.

- Вы можете не дожидаться..-

Она отключила телефон и уставилась на дорогу. Собаки мирно спали на заднем сиденье. Она не знала, куда едет, не решаясь включить навигатор. Боясь, что ее будут выслеживать. Поменяла номер телефона на первой же остановке.

Продолжила свой путь.

А тем временем Лес щетиной ломанной и черной потянулся к небу, и за ним загорелся первый весенний закат.

Глава 13

УКРЫТИЕ

Прошёл месяц, с тех пор, как N покинула Затишьино. Там, где она теперь жила - было практически всегда тепло. Солнце грело, даже находясь на горизонте. Море готовое принять в любую погоду, в сезон и не сезон - обнимало тело колючим солоноватым одеялом.

N знала, что здесь уже она надолго.

Среди мясистых пальмовых листьев , находясь в тени гор - она периодически вспоминала о том, что оставила позади.

Никакого звонка из полиции повторно не поступило, повести в суд не пришло. Значит дело не завели. Хотели запугать. Пусть думают, что им это удалось

Отлично.

Говорят, от себя не убежишь. Только вот впервые N поняла что бежала не от себя, а к себе настоящей.

Она больше себе не врала, никому не врала. Не делала вид, что ей нравится работать в посёлке, что она рада зарплате, что всю жизнь хотела бы провести в том доме вместе с мужем и пятью детьми. Нет. Болезнь, поразившая посёлок, просочилась и в самого врача.

Она чувствовала необходимость завершить это дело до конца, защитить семью Петра Замяткина, создать себе али-

би и главное - уберечь население от сочившегося яда.

Только она сможет рассказать эту историю честно, как есть. И отправить ее в какую-нибудь местную газету , во множество газет. Без обратного адреса и имени отправителя.

Просто N

Она глубоко вдохнула.

Села за стол. Включила компьютер .Открыла новый документ.

могу ли я печатать записки переданные мне?

могу, печатаю.

И начала писать.

"Если интересует вас, прочтите историю моей болезни"
доктор N, 2024 год, осень.

Глава 14

ПИСЬМО

Сегодня был выходной.

Ее разбудили рваные звуки гармошки - небесный хор чаек вперемешку с ночными цикадами.

Она раздвинула шторы, впуская вечернюю свежесть в комнату. Уличные фонари подсвечивали. Как будто светом изнутри стали наливаться зрачки. Картинка медленно прогружалась и мир, который она не могла перестать считать новым, радовал её. Н уже пол года работала в небольшой частной клинике. Каждое утро она проводила у моря, играла с собаками, шла пешком на работу, а вечером покупала себе крепкий кофе и варенье из грецкого ореха.

она включила телевизор.

— ...раскрыто уголовное дело по факту незаконного оборота наркотических средств в Затишинском районе. Следствием установлено, что к преступлению причастны бывший главный врач районной больницы, а также глава администрации посёлка. В ходе расследования обнаружено тело врача, пропавшего без вести в прошлом году...

Н слушала, не отрываясь. Лицо не дрогнуло.

— ...подозреваемые задержаны. Ведётся следствие.

Она выключила телевизор. Встала. Подошла к окну.

Море было спокойным. Солнце всходило над горизонтом.
Она села за письменный стол и открыла новый документ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.